

Аксенов Василий
170-летний юбилей)

22.8.02

Вет. клуб - 2002
— 22 авг. — с. 26

ЛИТКЛУБ

20 АВГУСТА ВАСИЛИЮ АКСЕНОВУ
ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

АРТЕЛЬНЫЙ СУПЕРМЕН

Дмитрий БЫКОВ

К ИСТОРИИ ПРЕТЕНЗИЙ НЕТ

Аксенову семьдесят. Юбилей он отмечает в Биаррице. Там и планирует жить большую часть года после того, как в нынешнем году завершает преподавательскую деятельность в американских университетах. Связи его с Америкой вообще постепенно ослабевают по мере отупения этой некогда прекрасной страны: в ней все больше фальши, оголтелости, лицемерия и ограниченности. «Рэндом хауз», постоянное издательство Аксенова, издающее его регулярно вот уже двадцать лет, отказалось печатать «Кесарево свечение» — его последний, самый авангардный и изобретательный роман о новом типе юноши, о современном байроните. В России книга имела относительный успех — те, кто любят Аксенова, ее одобрили, а остальные попросту не прочитали.

Этот автор не из тех, кто предъявляет претензии к истории: он от нее и так достаточно натерпелся. Пусть никогда уже не повторится русский успех «Звездного билета» или «Острова Крыма», американская сенсация, вызванная «Московской сагой» (ее там сравнивали с «Войной и миром»): ничего, не будем обвинять время. Не убивают за убеждения, дают писать, и спасибо. Аксенов не претендовал на то, чтобы быть учителем, — но любил и любит славу. Все, кто читал «Рандеву» и «Ожог», помнят эту мечту — совмещать в себе знаменитого хоккеиста, писателя, саксофониста, модного художника, гениального хирурга, отважного диссидента. Чтобы все бабы были твои, сталкивались чтоб в дверях, в очереди стояли. Чтобы во всех ресторанах сидели богемные компании твоих друзей, и чтобы при твоём появлении все они вставали, и тут же кидались лабать с тобой джаз или неслись кого-нибудь спасать. И чтобы все эти рожи, вечные советские рожи из ресторанов, гардеробных или касс метро, не смели! не смели делать нам замечания! Чтобы мы им делали замечания!

Почему у другого все это раздражало бы, а у Аксенова умиляет? Потому что ему, как и всем лучшим авторам шестидесятых годов (Шпаликову, Стругацким, даже Трифонову отчасти), присуще артельное отношение к жизни. Он же не хочет быть САМЫМ КРУТЫМ. Он просто хочет быть счастливым, вместе с другими, такими же счастливыми и не менее талантливыми. Ему потому и нравится Ялта, он потому так и обожает курортные города (вот и Биарриц), что там по набережной всегда движется толпа совершенно счастливых людей. Они равны там и дружелюбны. Эх, если бы наша жизнь была один такой курорт...

ИГРАЕМ ДЖАЗ

Да, ему и его герою нравится ловить на себе восхищенные взгляды, — но ведь не шмотками его восхищаются, в конце концов, а гармоничностью его и удачливостью, и готовностью работать вместе со всеми. Вот почему он так любит джаз — там есть элемент совместного творчества; вот почему он вечно представляет себя комбинацией из нескольких творческих личностей (или делает протагониста одновременно режиссером-писателем-музыкантом-диссидентом, как в «Новом сладостном стиле»). Обратиться к кому-нибудь «Старик, ты гений» — нет для него ничего милей; его потому так и обжег шестьдесят восьмой, что это был распад счастливой общности, о которой написаны и «Апельсины из Марокко», и «Золотая наша железка». Все сразу расслоилось на стукачей, алкоголиков, изгоев, конформистов — а только что все вместе, что называется, свинговали. Только в августе 1991 года все это ненадолго вернулось, почему Аксенов и считает эти три дня лучшими в российской истории. Провел он их, правда, в Париже — у него истек срок приглашения. Он ведь в 1991 году еще гражданства не получил, и 20 августа

«Новые впечатления надо получать. Вот я в этом году впервые сплавал в Европу из Штатов на «Queen Mary». Отлично! Ветер, брызги, на палубе женщины сидят фальшивые — в смысле девяносто лет, а выглядят на пятьдесят...»

та улетел. И тут ему, бац, такой подарок ко дню рождения — свободная Россия! Не одни только беды у нас в августе, еще и Василий Павлович родился...

Аксенов потому и затеял «Метрополь», что тосковал по утраченной общности. «Метрополь» раздавили. Постепенно он смирился с тем, что жить приходится одному и писать — в одиночестве: сильно повлияв на всю российскую словесность, растворившись в ней, он так и не создал школы. Ибо школа — это не приемчики, коих у Аксенова много и коими питается весь наш поэтический и фантастический реализм; школа — это отношение к жизни, а оно формируется трудней. Аксенов свою веселую артельность, стремление к равному и творческому общению купил дорогой ценой — приятским детством и магаданской юностью. И если бы мы даже не знали этого, не читали «Крутого маршрута» его матери Евгении Гинзбург, не испытали «Ожога», — мы все равно чувствовали бы в его памяти этот ожог, черное красное пятно: так ранимы его супермены, так деликатны его стервы, так они все оберегают друг друга.

Однако раз школы нет, а страна все больше чужеет (да и Америка ныннешняя все меньше похожа на ту, которую он извездил в режиме нон-стоп, в поисках грустного бэби), — надо привыкать к одиночеству, к байронизму; отсюда его мания — сделать героем байронита. «Кесарево свечение» — это «Герой нашего времени» по-аксеновски: автор уже понял, что здесь можно быть только мрачным и самодостаточным суперменом, даром что есть у него иде-

альная и пылкая любовь. Живое воплощение этого типа автор видел в своем трагически погибшем внуке Иване. Разумеется, Аксенов сильно идеализирует это поколение, как идеализирует молодость и красоту вообще (это толстовское у него, как и физиологизм — тоже толстовский). Но лучше идеализировать, чем недооценивать; лучше расставлять маячки, чем загонять в подполье.

«ГОСПОДЬ УСТРОИЛ РАЗНООБРАЗНО»

Я несколько раз брал у Аксенова интервью. Мне всякий раз ясна была бессмысленность этого занятия: из книг все ясно, а прелесть его физиологичной, влажной прозы все равно недостижима в устном монологе. Писать надо. Хотя он и в устной речи формулирует прелесть. Например, я спрашиваю:

— Вам не кажется, что таких роковых девочек-вамп, которые вам достались, у нашего поколения нет и никогда не будет?

А он отвечает мгновенно:

— Зато вам достались девочки девяностых с их туповатой задумчивостью.

А я спрашиваю:

— Как вам не надоедает все, откуда такой зенячий восторг при виде жизни?

А он в ответ:

— Новые впечатления надо получать. Вот я в этом году впервые сплавал в Европу из Штатов на «Queen Mary». Отлично! Ветер, брызги, на палубе женщины сидят фальшивые — в смысле девяносто лет, а выглядят на пятьдесят...

А я тогда интересуюсь:

— Что вам больше всего нравится из написанного? «Ожог» небось...

А он:

— «Ожог» не люблю, это истерическая книга... Люблю пьесу «Цапля», романы «Бумажный пейзаж» и «Кесарево свечение», что-то из «Московской саги», повесть «Рандеву». Зачем фиксироваться на истерике? Можно же радоваться, как все Господь устроил... разнообразно.

А я тогда не верю:

— Неужели вы действительно думаете, что Господь?!

— Никогда я не соглашусь с бесконечно плоской материалистической картиной мира и всегда буду уверен, что задача человека на земле — преодоление первородного греха, гнусного, плотского своего страха и скотской жадности! — отвечает он яростно.

«ПОБЕДА»

Он о многом еще говорил. Например, присуще ему какое-то фантастическое чутье на свинство, на жестокость и тупость: такое чутье бывает только у сильно битого человека, который всяких Чепцовых и иной чекистской шушеры повидал сколько влезет, и хулиганья повидал, и комсомольских дружинников, и золотую молодежь. И потому Аксенов первым из нашей либеральной интеллигенции пошел против нашей либеральной интеллигенции, отказавшись верить в подлый миф о том, будто американцы сами взорвали ВТС, а наши чекисты — московские дома. Он первым почуял и широко раструбил опасность фанатичного, грубого, ревущего ислама, его ксенофобию и агрессию раскусил он немедленно, и отношение его к чеченской войне выгодно отличалось от общеинтеллигентского в сторону трезвости и здравомыслия. Аксенов обладает истинно русским чутьем на грубую силу, как она ни называйся — КПСС, КГБ, Аль-Каида... В ее присутствии его мир мгновенно бледнеет и выцветает. Невыносимая скука поселяется в нем, и автор начинает лить кислотные слезы. Об этом — его лучшая поэма, вошедшая в сборник «Негатив положительного героя»: как он дело своей матери в Казанском КГБ читал. Об этом — его лучший рассказ «Победа».

Было так: я служил в армии, было мне там не то чтобы очень трудно, но временами довольно противно. И вот прихожу я в гости к питерскому писателю Валерию Попову, тоже родившемуся в Казани, хоть и на семь лет позже Аксенова. Я по нему и другим питерским авторам диплом писал, по ночам, в нарядах на КПП. И Попов мне говорит: все мы вышли из Аксенова, из его праздника, который он сюда принес. Абсолютно лучший рассказ шестидесятых годов — это «Победа», там про все, что мы ненавидели. Как?! Вы не читали?! Читать немедленно! И он достал с антресолей (время, чать, было еще зыбкое, 1988 год, Аксенову даже гражданства не вернули) не свой какой-нибудь сборник, а аксеновский, «Жаль, что вас не было с нами».

И я прочел эти три странички, про то, как в купе скорого поезда молодой гроссмейстер играл в шахматы с любителем шахмат Г.О. И почувствовал себя отшпанным за всю свою жизнь — это весьма сладостное чувство, если кто знает, и не всякий писатель дарит нам его.

С тех пор я не пропускал ничего, написанного Аксеновым. И вам не советую пропускать. Потому что от литературы должно хотеться жить, от нее должна в читателе расцветать любовь и клекотать — ненависть. Ненависть — тоже дело хорошее. Радость совместного творчества и секс как частный его случай — тема очень редкая в нашей грустной прозе и не менее грустной жизни. Праздничных людей наша среда выталкивает, и в литературе нашей им тоже не везло — всеерьез не воспринимали. Аксенов — первый русский писатель, доказавший, что из страдания можно сделать счастье, и еще какое. Фонтан, водопад, ливень. И за эту алхимию его будут любить вечно.

Хорошо бы он столько и жил. ■